

Д.П. Ивинский

**ОБ АДРЕСАТЕ СТИХОТВОРЕНИЯ А.С. ПУШКИНА
«ПРЕДРАССУДОК»
(«Ты просвещением свой разум осветил...»)**

Статья посвящена проблеме адресата стихотворения А.С. Пушкина «Предрассудок» («Ты просвещением свой разум осветил...»), которая в настоящее время может обсуждаться лишь на уровне гипотез. Наиболее вероятной автор статьи продолжает считать гипотезу о П.А. Вяземском, однако в данной работе стремится показать, что возможна и иная версия — о Мицкевиче; в этом случае «Предрассудок» предстает как первый опыт пушкинской полемики с «Отрывком» третьей части «Дзядов».

Ключевые слова: Пушкин, Мицкевич, атрибуция адресата, политическая поэзия, Россия и Польша, польское восстание 1830 г.

The article deals with the problem of the addressee of A.S. Pushkin's poem «Предрассудок» («Ты просвещением свой разум осветил...»). This problem can now be discussed only at the level of hypotheses. According to the author, the most plausible hypothesis is that of P.A. Viazemsky, but in this article another version is discussed — one connected with Mickiewicz. In this case, «Предрассудок» appears to be Pushkin's first controversy with the third part of Mickiewicz's "Dziady".

Key words: Pushkin, Mickiewicz, attribution of the addressee, political poetry, Russia and Poland, Polish rebellion of 1830.

Текст стихотворения (возможно, оставшегося незавершенным) в настоящее время не может быть установлен с необходимой степенью достоверности: автограф считается утраченным, и единственными источниками остаются публикации И.А. Шляпкина [Шляпкин, 1903: 28–30] и Н.О. Лернера [Пушкин, 1907–1916: 3, 508–509; 6, 467–468], по всей вероятности, не вполне совершенные; в данной работе мы исходим из собственной реконструкции [Ивинский, 2005: 34–39; здесь же приводятся и, отчасти, обсуждаются версии Т.Г. Цявловской и Б.В. Томашевского]; вот ее текст:

[Предрассудок]

Ты просвещением свой разум осветил,
Ты мира таинство увидел,
И нежно чуждые народы возлюбил,
И мудро свой возненавидел.

Когда безмолвная Варшава поднялась,
И буйством оьянела,
И смертная борьба началась,
При клике «Польска не згинела!» —

Ты руки потирал от наших неудач,
Кусая губы слушал вести,
Когда бежали вскачь,
И гибло знамя нашей чести.

Варшавы бунт

в дыме

Поникнул ты <главой> <?> и горько возрыдал,
Как жид о Иерусалиме.

[Ивинский, 2005: 38–39].

Время создания пьесы неизвестно, в корпусе дошедших до нас пушкинских текстов она не упоминается, а потому единственный путь установления адресата — анализ ее содержания и сопоставление внутритекстовых реалий с твердо установленными фактами, имеющими прямой или косвенное отношение к теме «Пушкин и польское восстание 1830–1831 года», связанной с еще более сложными темами «Пушкин и Польша», «Пушкин и Мицкевич», «Пушкин и русское общество в 1830-е гг.»¹. В свое время мы постарались обосновать гипотезу о том, что адресатом стихотворения был князь П.А. Вяземский²; эта гипотеза и сейчас представляется нам вполне или даже наиболее правдоподобной, хотя, на данном этапе изучения проблемы, и не единственно допустимой (это отмечалось нами и ранее, ср.: [Ивинский, 2003: 43]).

В данной заметке мы намерены остановиться лишь на одном вопросе, без обсуждения которого, как мы полагаем, анализ проблемы был бы неполон: могло ли стихотворение «Предрассудок» быть адресовано не русскому, а поляку?

На первый взгляд этот вопрос выглядит откровенно нелепым. Во-первых, утвердительный ответ на него откровенно противоречит здравому смыслу: не мог же Пушкин обвинять *поляка* в том, что тот оплакивает свое отечество и радуется поражениям его врагов! Во-вторых, такой ответ противоречит и известному черновому фрагменту «Путешествия из Москвы в Петербург», перекликающемуся с тек-

¹ В качестве адресатов пушкинского послания И.А. Шляпкина рассматривал Ф.В. Булгарина и О.И. Сенковского [Шляпкин, 1903, 30], П.И. Бартенев — П.Я. Чаадаева [Бартенев, 1903: 3], Вацлав Ледницкий — П.Я. Чаадаева, А.И. Тургенева и П.А. Вяземского [Lednicki, 1939, 426, 441 и др.], Г.П. Струве — князя П.Б. Козловского [Струве, 1950: 111–117]; см. отклик Ледницкого: [Lednicki, 1951]; подробнее см.: [Dworski, 1976; 1983: 160–164; и др.].

² [Ивинский, 1988; 1989; 1990; 2005: 34–43].

стом «Предрассудка», ср.: «Ныне нет в Москве мнения народного: ныне бедствия или слава отечества не отзывается в эт<ом> сердце [России]. Грустно было слышать толки м<осковского> общества во время после<дного> польск<ого> возму<щения>. Гадко было видеть бездушного читателя фр.<анцузских> газет, улыбающегося при вести о наших неудачах» [Пушкин, 11: 482].

Между тем при всей серьезности этих возражений, они не могут рассматриваться как аргументы, достаточные для того, чтобы исключить из рассмотрения польский контекст проблемы адресата стихотворения. В самом деле, первый аргумент подразумевает, что нам в полной мере понятна идейная структура пьесы, тогда как на самом деле настаивать на справедливости этого утверждения нет никаких серьезных оснований; аргумент второй базируется на столь же мало обоснованном предположении, что пушкинская автоцитата, будучи включена в некий его новый текст, сохраняет в неприкосновенности прежние смыслы (не говорю уже о том, что хронологическая соотнесенность текстов в данном случае остается неясной: черновая редакция «Путешествия из Москвы в Петербург» обычно предположительно датируется декабрем 1833 — мартом 1834 г. [Пушкин, 11: 562], а о «Предрассудке» мы знаем только, что он не мог быть написан ранее осени 1831 г.: «Варшавы бунт» был подавлен в первых числах сентября, Пушкин узнал об этом около 4 сентября [Летопись, 3: 380], верхняя же граница датировки не может быть установлена).

Итак, попробуем установить смысл стихотворения, а вместе с тем и описать его композицию.

Первоначальная позиция адресата опиралась на идею просвещения, открывающего тайну мира (возможно, тавтологическое сочетание «просвещением <...> осветил» является не недоработкой, а средством подчеркнуть значение темы *света* в этом специфическом контексте, который допускает интерпретацию и предельно общую [«эпоха просвещения»], и более конкретную [«просвещение» = иллюминатство]). Тут же утверждается (вероятно, не без скрытой иронии), что данный опыт «просвещения» оказался весьма успешным: адресат «увидел» «мира таинство», после чего, опираясь на это знание, стал ненавидеть свой и любить чужие народы. Это место пьесы выглядит наиболее туманным; единственная его интерпретация, которую мы в состоянии предложить, сводится к следующему: Пушкин характеризует адресата как приверженца космополитической идеи «вечного мира», которая получила исключительно широкое распространение в Европе в конце XVIII — начале XIX в. и оказала некоторое ограниченное влияние на мировоззрение самого Пушкина в начале 1820-х годов [Алексеев, 1958; Ланда, 1999: 51–87].

Начинается восстание «буйной Варшавы», русско-польская война, новый этап «смертной борьбы» двух славянских народов.

И вместо того, чтобы осмыслить происходящее как трагедию, космополит превращается в националиста, и, забыв о прежней любви своей к «чуждым народам», радуется неудачам русских, а потом оплакивает неудачу варшавского бунта.

Как видим, в основу композиции пьесы положена простейшая трехчленная структура: 1) адресат заявляет определенную позицию; 2) проходит время, общая ситуация меняется драматически или даже трагически; 3) в этой новой ситуации адресат отбрасывает свои прежние идеалы, обнаруживая чуждое им мироотношение.

Но эта именно последовательность без труда выявляется в известном стихотворении Пушкина, посвященном Мицкевичу, впервые опубликованном в следующем виде:

М*.

Он между нами жил,
Средь племени ему чужого; злости
В душе своей к нам не питал он; мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Он посещал беседы наши. С ним
Делились мы и чистыми мечтами
И песнями (он вдохновен был свыше
И с высоты взирал на жизнь). Нередко
Он говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта. Он
Ушел на запад — и благословеньем
Его мы проводили. Но теперь
Наш мирный гость нам стал врагом, и ныне
В своих стихах, угодник черни буйной,
Поет он ненависть. Издалека
Знакомый голос злобного поэта,
Доходит к нам!... О Боже! возврати
Твой мир в его озлобленную душу³.

1) «Мирный, благосклонный» Мицкевич *беззлобно* обретается «среди племени ему чужого» (ср. в «Предрассудке» упоминание о

³ [Пушкин, 1838–1841, 9: 171]. В таком виде пьеса печаталась в собраниях сочинений Пушкина, выходявших во второй половине XIX — начале XX в. (см., например: [Пушкин [ред. П.В. Анненкова], III: 43; Пушкин [ред. П.А. Ефремова], 3: 412–413; Пушкин [ред. П.О. Морозова], 3: 193–194; 543–544; примеч.]); редакция «посмертного издания», а также позднейшие редакторские решения, история текста стихотворения в целом (в том числе все черновые редакции) обсуждаются нами в другой работе, см.: [Ивинский, 2003: 221–286].

чуждых народах); он обладает неким высшим даром («он вдохновен был свыше», ср. в «Предрассудке»: «мира таинство увидел»); он заявляет о себе как о космополите: «Он говорил о временах грядущих, / Когда народы, распри позабыв, / В великую семью соединятся», ср. в «Предрассудке»: «И нежно чуждые народы возлюбил, / И мудро свой возненавидел»; 2) Ситуация изменилась: Мицкевич покинул Россию, а «теперь» (подразумевается: после окончания русско-польской войны 1830–1831 гг.); 3) отбросив прежние миролюбие, благосклонность, вместе с ними и свой космополитизм, сделался *злобным* певцом национальной *ненависти*.

К этим переключкам можно прибавить некоторые менее значимые. Так, антитеза любви и ненависти («мы / Его любили» — «Поет он ненависть») находит частичное соответствие в основном тексте «Предрассудка» («нежно <...> возлюбил» — «мудро <...> возненавидел»), а мотивы *злости* и *черни* — в зачеркнутой строфе стихотворения, которую И.А. Шляпкин печатал следующим образом:

[..... злобась
Пестро Парижский пустомеля
Ревел на кафедре —
Здоровье пил ты Лелевеля]⁴.

Важно и другое: «Предрассудок» естественным образом включается в пушкинский контекст поэмы Мицкевича «Конрад Валленрод» (о «ситуации Валленрода» и ее восприятии Пушкиным см.: [Ивинский, 2003: 187–207; 2005: 24–46]).

Так возникает возможность постановки вопроса о Мицкевиче как адресате «Предрассудка». Посмотрим, в какой мере содержание пьесы соответствует этому предположению.

Ты просвещением свой разум осветил, / Ты мира таинство увидел. Этот пассаж в полной мере соответствует самосознанию Мицкевича, его литературной репутации и его духовной биографии, вобравшей в себя выраженный интерес к *просвещению*, как к культурной эпохе в развитии человечества и как к некоторой совокупности мистических доктрин (в первую очередь Мицкевича интересовали «мартинизм» и Сен Мартен, Якоб Беме, Сведенборг) и тайных политических кружков (иллюминаты, тугендбунд, карбонарии), обладавших и устойчивым репертуаром ценностей, идей, программ, а также специфической

⁴ [Шляпкин, 1903: 28]; ср. в реконструкции Б.В. Томашевского: [Пушкин, 1962–1965, 3: 391]. Упоминание о «парижском пустомеле», вероятно, вариация на тему «народных витий», развитую в оде «Клеветникам России».

символикой, определенным образом влиявшей на поэтический язык эпохи⁵.

И нежно чуждые народы возлюбил, / И мудро свой возненавидел. Пушкин присутствовал, по крайней мере, на одной импровизации Мицкевича, в которой он, в частности, рассуждал «о любви, которая некогда должна связать народы между собою» [Анненков, 1855: 250]; подробнее об этом см.: [Ивинский, 2003: 177–180, 364–366]. *Мудрая ненависть к своему народу*, если речь здесь действительно идет о Мицкевиче, отсылает одновременно к «ситуации Валленрода» и к стихотворению Мицкевича «К русским друзьям» («Do przyjaciół Moskali»), в котором возникает и тема «валленродизма»: «róklim był w okuciach, / Pełzając milczkiem jak wąż łudziłem despotę» [Mickiewicz, 1890–1895, 4: 284]; перевод: «Пока был я в оковах, / Ползая молча, как змея, я обманывал деспота»).

Кусая губы слушал вести. Мицкевич не был ни очевидцем, ни, тем более, участником восстания и последовавших за ним военных действий (что некоторые польские патриоты ставили ему в вину; неслучайно сын поэта в своей известной его биографии так деликатно обсуждает этот вопрос: [Mickiewicz, 1890–1895, 2: 146–150]. О его восприятии событий в Польше Пушкину мог рассказать С.А. Соболевский (см. об этом: [Виноградов, 1928: 253–254; Ивинский, 2003: 226–227]).

Поникнул ты <главой><?> и горько возрыдал, / Как жид о Иерусалиме: прозрачная отсылка к Пс. 136, а вместе с тем, возможно, к «Литании Пилигримской» («Litania Pielgrzymaska»), завершавшей «Книги польского народа и польского пилигримства» («Księgi Narodu Polskiego i Pielgrzymstwa Polskiego»), выдержанные в «библейском» стиле (к этому именно стилю апеллируют пушкинские «возрыдал» и — предполагаемое — «главой»), и представлявшей собой «молитву» об избавлении от чужеземного гнета и возвращении на родину [Mickiewicz, 1832: 91–93], в самом деле «горькую» и граничащую с *рыданием*; впрочем, предположение о знакомстве Пушкина с этим текстом (хотя бы по рассказам того же Соболевского, см.: [Виноградов, 1828: 254]) до сих пор остается неподтвержденным.

Здоровье пил ты Лелевеля. Недоработанная строфа с именем Лелевеля была вычеркнута по неясным причинам; ее подтекст не вполне

⁵ См. об этом: [Siemiński, 1871; Chmielowski, 1898; Tretiak, 1898: 123–170; Tretiak, 1917, 189–194; Pigoń, 1922: 65–240]; в особенности: [Wejntraub, 1998]; о некоторых общих особенностях польского мистицизма александровской эпохи см.: [Askenazy, 1908, 1: 183–277; Ujejski, 1924]; о политико-мистических подтекстах поэмы Мицкевича «Конрад Валленрод»: [Zetowski, 1936]; в особенности: [Chwin, 1998]; та же проблематика в третьей части «Дзядов»: [Wierzbowski, 1916: 94–117; Zyczyński, 1932: 37–49] и мн. др.

очевиден⁶. Иоахим Лелевель, как известно, был одним из кумиров Мицкевича; именно Лелевелю он посвятил одно из первых своих программных стихотворений [Mickiewicz, 1822], позднее состоял с ним в переписке (см. о ней: [Szelwach, 1997]) и никогда не терял из виду, нуждаясь в нем как в наставнике и собеседнике, способном обсуждать историю Польши в широком европейском контексте, в том числе политическом и идеологическом (об этом см.: [Kukiel, 1960]). Лелевель имел прямое отношение к варшавскому восстанию 1830 г., поддержав его на начальном этапе, и принял самое деятельное участие в последующих событиях, возглавив Польский национальный комитет [Берг, 1874: 13–19; Śliwiński, 1918: 189–417]. Пушкин воспринимал Левеля как знаковую фигуру польского восстания, *путь его здоровье*, вероятно, означало для Пушкина солидаризироваться с его позицией и с целями руководителей заговора, меньше всего стремившихся опереться на идеологию «вечного мира».

* * *

Итак, гипотеза о Мицкевиче как адресате стихотворения Пушкина «Предрассудок» представляется достаточно обоснованной для того, чтобы она была включена в ряд иных, обсуждение которых предстоит продолжать. Отдельная проблема, вряд ли разрешимая в настоящее время, — хронологическая соотнесенность стихотворений «Предрассудок» и «Он между нами жил...». По-видимому, если Мицкевич действительно был адресатом «Предрассудка», пьеса писалась до начала работы над основным текстом несколько более сдержанного по тону и концептуально менее прямолинейного стихотворения «Он между нами жил...», т. е. по горячим следам знакомства с «Отрывком» третьей части «Дзядов» (конец июля — сентябрь 1833 г.; об истории текста «Он между нами жил...» см.: [Ивинский, 2003: 221–281; 2005: 62–127]). Но за недостатком документально подтвержденных данных допустима и другая противоположная версия: «Предрассудок» мог набрасываться Пушкиным после окончания основной работы над «Он между нами жил...» (или даже на ее завершающей стадии) под влиянием каких-либо новых сведений о Мицкевиче, о польском восстании и его европейском политическом резонансе (например, это могло быть знакомство с текстом «Книг польского народа и польского

⁶ Так, не зная, когда именно писался «Предрассудок», мы не можем уверенно связывать данное упоминание о Лелевеле с его речью 25 января 1834 г., посвященной восстанию 1830 г., фрагмент которой польский историк посвятил ранним либеральным произведениям Пушкина, о которых обладал самыми приблизительными представлениями (см. об этом: [Лернер, 1905; Пушкин, 1923: 402–404; Цявловский, 1962: 201–202]).

пилигримства» или, скажем, получение в феврале — марте 1834 г. известий о только что упоминавшейся речи Лелевеля см.: [Пушкин, 1936–1959: 15, 126, 324]).

Список литературы

- Алексеев М.П.* Пушкин и проблема «вечного мира» // Русская литература. 1958. № 3.
- Бартенев П.И.* <Рец. на кн.:> Шляпкин И.А. Из неизданных бумаг А.С. Пушкина // Русский архив. 1903. № 6: Обложка.
- Берг Н.В.* Записки о польских заговорах и восстаниях: 1831–1862. М., 1873.
- Виноградов А.К.* Мериме в письмах к Соболевскому. М., 1928.
- Ивинский Д.П.* Еще раз об адресате стихотворения А.С. Пушкина к «полонофилу» // Literatura rosyjska i jej związki międzynarodowe: Materiały z II Międzynarodowej konferencji naukowej. Szczecin: Uniw. Szczeciński, 1988.
- Ивинский Д.П.* К вопросу об адресате стихотворения А.С. Пушкина «Ты просвещением свой разум осветил...» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1989. № 3.
- Ивинский Д.П.* Политические разногласия А.С. Пушкина и П.А. Вяземского в 1830-е гг.: К вопросу об адресате стихотворения Пушкина «Ты просвещением свой разум осветил...» // Болгарская русистика. София, 1990. № 2.
- Ивинский Д.П.* Пушкин и Мицкевич: История литературных отношений. М., 2003.
- Ивинский Д.П.* О Пушкине. М., 2005.
- Ланда С.С.* «Я вижу некий свет...». СПб., 1999.
- Лернер Н.О.* Пушкин и Лелевель // Исторический вестник. 1905. № 8. Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: Т. 1–4 / Сост. М.А. Цявловский, Н.А. Тархова. М., 1999.
- Пушкин А.* <С.> Соч. Т. 1–11. СПб., 1838–1841.
- Пушкин А.С.* Соч. Т. 1–7: [Ред. П.В. Анненкова]. СПб., 1855–1857.
- Пушкин А.С.* Соч. Т. 1–6: [Ред. П.А. Ефремова] / Изд. 3. СПб., 1878–1881.
- Пушкин А.С.* Соч. и письма: Т. 1–8: [Ред. П.О. Морозова]. СПб., 1903–1906.
- Пушкин <А.С.>* <Соч.> Т. 1–6. Изд. Брокгауз-Ефрона. СПб., 1907–1916 (Библиотека великих писателей под ред. С.А. Венгерова).
- Пушкин А.С.* Дневник (1833–1835 гг.). М.; Л., 1923 (Труды Государственного румянцевского музея. Вып. 1).
- Пушкин <А.С.>* Полн. собр. соч.: Т. 1–17 <М.; Л., > 1936–1959.
- Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: Т. 1–10. 3-е изд. М., 1962–1965.
- Струве Г.П.* Русский европеец: Материалы для биографии и характеристики князя П.Б. Козловского. Сан-Франциско, 1950.
- Шляпкин И.А.* Из неизданных бумаг Пушкина. СПб., 1903.
- Цявловский М.А.* Статьи о Пушкине. М., 1962.
- Askenazy S. Łukasiński.* Т. 1–2. Warszawa, 1908.
- Chmielowski P.* Rozprawa Mickiewicza o Jakóbie Boehmem. Warszawa, 1898.

- Chwin S.* Wstęp // Adam Mickiewicz. Konrad Wallenrod / Oprac. Stefan Chwin. Wydanie czwarte przejrzone. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1998 (Biblioteka Narodowa. Ser. I. № 72).
- Dworski A.* Nad Puszkimowskim 'Polonofilem' // Acta Universitatis Wratislaviensis: Slavica Wratislaviensia. 6. Filologia Słowiańska. Warszawa; Kraków, 1976.
- Dworski A.* Puszkim w kręgu kultury polskiej. Wrocław, 1983 (Acta Universitatis Wratislaviensis. № 720. Slavica Wratislaviensia. XXX).
- Kukiel Marian.* Lelewel, Mickiewicz and the underground movements of European Revolution: (1816–1833) // The Polish Review: 1960: Vol. 5. № 3.
- Lednicki Waclaw.* Mój puszkimowski *Table-talk*: (Dla puszkimistów) // Puszkim 1837–1937: T. 1. Kraków 1939: (Prace Polskiego Towarzystwa dla badań Europy Wschodniej i Bliskiego Wschodu: T. 16).
- Lednicki Waclaw.* Some Doubts about the Identity of Pushkin's Polonophil // The Slavonic and East European Review. 1951. Vol. 30. № 74.
- Mickiewicz Adam.* Do Joachima Lelewela: Z okoliczności rozpoczęcia Kursu Historii Powszechnej w Uniwersytecie Wileńskim, dnia 6 stycznia 1822 roku. Wilno, 1822.
- Mickiewicz Adam.* Poezye. T. 1–4. Paryż, 1828–1832.
- Mickiewicz Adam.* Księgi Narodu Polskiego i Pielgrzymstwa Polskiego. Paryż, 1832.
- Mickiewicz Władysław.* Żywot Adama Mickiewicza: Podług zebranych przez siebie materiałów oraz własnych wspomnień. T. 1–4. Poznań, 1890–1895.
- Pigoń Stanisław.* Z epoki Mickiewicza: Studja i szkice. Lwów, 1922.
- Siemieński Lucyan.* Religijność i mistyka w życiu i poezjach Adama Mickiewicza. Kraków, 1871.
- Szelwach Grzegorz.* Korespondencja Adama Mickiewicza z Joachimem Lelewelem // Napis. 1997. Seria 3.
- Śliwiński Artur.* Joachim Lelewel: Zarys biograficzny: Lata 1786–1831. Warszawa, 1918.
- Tretiak Józef.* Młodość Mickiewicza. Życie i poezya: 1798–1824. T. 1–2. Petersburg, 1898.
- Tretiak Józef.* Adam Mickiewicz w świeyle nowych źródeł: 1815–1821. Kraków, 1917.
- Ujejski Józef.* Król Nowego Izraela. Warszawa, 1924.
- Weintraub Wiktor.* Mickiewicz — mistyczny polityk i inne studia o poecie. Warszawa, 1998.
- Wierzbowski Teodor.* Z badań nad Mickiewiczem i utworami jego. Warszawa, 1916.
- Zetowski Stanisław.* «Konrad Wallenrod» Mickiewicza polityczną broszurą węglarską // Ruch Literacki. 1936. Rok 11. Styczeń — Luty.
- Życzynski Henryk.* Dziady Drezdeńskie Mickiewicza: W setną rocznicę. Lublin, 1932 (Towarzystwo przyjaciół nauk w Lublinie: Prace Komisji filologicznej. № 3).

Сведения об авторе: *Ивинский Дмитрий Павлович*, докт. филол. наук, профессор кафедры истории русской литературы филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: slovo1966@rambler.ru